

Pc
P69

558178

А. РОМАНОВ
**Красное
застолье**

1966

Pc
P69
I 558178

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Александр Романов родился в деревне Петряево Сокольского района Вологодской области в семье сельского учителя. После окончания Вологодского педагогического института он работает в редакции областной молодежной газеты. Многочисленные поездки по родным местам приносят не только радость журналистического поиска, но и способствуют формированию Александра Романова как поэта.

А. РОМАНОВ

— 558178

Красное застолье

Роман о русской кухне
имени А. Н. Бабушкина

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

РД
Р69

+ КР + КМИ

Александр Александрович Романов
КРАСНОЕ ЗАСТОЛЬЕ

Редактор А. И. Лёвшин

Оформление — гравюры на дереве
Н. и Г. Бурмагиных

Художественный редактор В. С. Вежливцев

Технический редактор С. И. Соколова

Корректор Е. Л. Спириданова

*

ГЕ00014. Подписано к печати 21. VI. 66 г.
Бумага 60×90¹/₃₂. Бум. л. 2. Печ. л. 4. Уч.-изд. л. 3,
Тираж 10 000. Цена 30 коп. Заказ 2402.

Областная типография,
Вологда, ул. Калинина, 3.

ГАРМОНЬЯ

Василию Белову

Красно застолье
От жарких лиц.
Стулья стонут
От молодиц.
А мой товарищ
Грустит опять:
«Где, не знаешь,
Гармонью взять?»
Гармонью? Сразу
От слов таких
Крикливыи праздник
На миг затих.

А ну, хозяйка,
Поуважай:
Сходи узнай-ка
По этажам.
Ох, досталось,
Сбилась с ног.
И вот — как радость
И как упрек
Плынет гармоньЯ,
Как ночь, черна.
Чуть-чуть затронут —
Вздохнет она.
«А ну, товарищ, —
Все ожили, —
Сыграй. Но знаешь —
Хорошее...»
Коснулся ухом —
Прохладен лак.
Запела глухо,
Несмело так —
И вдруг как ахнет
Гармония,
Сверкнув мехами,
Как молния.
Заулыбались
Все перед ней:
Все оказались
Из деревень!

Вот это было
Свидание!
В глазах поплыло
Все давнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое,
Все скорбное,
Все наивное...
Эх, гармония,
Пой, милая!
С душ неверных
Сбивай-ка спесь:
У нас деревня
У всех — вот здесь!
... В глазах рябило,
Как вновь в избе.
Кому-то было
Не по себе.
А кто-то сдвинул
Стулья вдруг
И, ветром взвитый,
Как ястреб, — в круг!
Эх, полы, полы,
Нас помните.
До чего же малы
Нынче комнаты!

И так и сяк,
А потом эдак,
И еще вот так
Напоследок!
Огнем рождена
Наша нация.
А гармонь, она —
Агитация.
Но зови не зови —
Дело зряшное:
Затухает в крови
Все вчерашнее,
Все первое,
Все розовое,
Все вербное,
Все березовое.
А пляшется с жаром —
Так это опять
Худое со старым
Хотим истоптать!
...За окнами — город.
Дома в тени.
Значит, скоро
Взойдут огни,
И в комнате снова
В углу радио
Вспыхнет зеленоей
Виноградиной.

ТРЕВОГА

Это было в деревне, которой нету,
Но в которую можно взглянуться,
Потому что деревня эта
Называется нашим детством.
Ветры теплые там разносили,
Чтобы людям радостно было,
Вечерами в сумерках синих
Дробный стук золотых молотилок.
И в кепчишки картошки ранней
Накопав, сухой, розоватой,
За деревней в легком тумане
Веселили костер ребята.
Это было счастьем, пожалуй.
Только кто понимал едва ли.
И картошины, с пылу да жару,
Как мячи, на ладонях летали.
Был один среди нас всех старше,
Всех бойчей — Тихомиров Васька.
Говорили матери наши,
Что дружить с ним надо с опаской.
Без отца, без матери парень,
Без присмотра живет у тетки.

Вот и курит уже недаром,
Вот и шляется, рвет подметки.
Называли матери шалым,
Называли его баламутом.
Только Ваську зря обижали —
Это было ох как немудро!
Васька нас удивлял смекалкой:
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка,
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских,
Как подарок, несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,
И сквозь зубы чиркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертом,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели
Нам из дома не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы,
Ну а Васька даже до школы,
А потом не спеша обратно,
Брел за пять километров в холод,

Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,
А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки...
А потом...
Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,
А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошкам и здесь шарахнул,
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.
И повестки с железным слогом
Полетели из сельсоветов.
Мужики по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше времени стал Басильем.
Он мотался с плугом на пашне
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем,
Только он все чего-то медлил,

Все стеснялся...
И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним —
Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз вот такое с ними:
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —
Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали...
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.
Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы.
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых...
...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг заминка, и слышу с болью:
«Тихомиров? Васька? Не помню...»
Умирают солдаты дважды —
От штыка или пули вражьей

И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,
Тихомиров Вася!

* * *

С Ярославского вокзала,
С Ленинградского вокзала
В ночь уходят поезда...
Ты чего лицо туманишь,
Ты чего грустишь, товарищ?
Семь рублей — и мы на полке,
И опять туда, туда,
Где висит на каждой елке
Синим филином звезда.
У курносой, белолицей
Нашей местной проводницы!
Чаю крепкого завара
Мы попросим, а потом,
Прислоняясь к ветрам спиною,
На полтыщи верст длиною
Мы беседу развернем.
Нас в дорогах покачало,
Дружбы нашей — там начало.
Отчего же зародилась —
Как сказать наверняка?
Может, жаркая частушка
Озорно и простодушно

Огоньком сердца задела —
И пошло от огонька.
А его тотчас заметил
Ветер-сиверко, наш ветер,
И подул, подул, веселый,
Раздувая огонек.
Уронили елки смолы
Со своих ветвей тяжелых,
Чтобы дольше не поблек.
...Разговаривают рельсы:
«Разгорелся, разгорелся...»
И уносятся, струясь.
А колеса подпевают:
«Жарче, жарче не бывает,
Жарче, жарче не бывает,
Чем на севере у нас...»
Утро медленно краснеет.
Здравствуй, батюшка наш север!
Он гостей, конечно, ждал.
И выходит нам навстречу,
Развернув огромно плечи
От железного Урала
До гранитных финских скал.
Он в зеленой телогрейке,
Строгий, жилистый и крепкий,
Весь от инея седой,
Шапку низко нахлобучив
Из мехов из самых лучших
И с Полярною звездой!

Звездный свет нам в лица сеет
Милый север, добрый север.
...Мы спешим в знобящий тамбур,
В свет застенчивой зари,
И курносой, белолицей
Нашей местной проводнице
Мы стаканы возвращаем
И за чай благодарим.

* * *

Товарищ, туда бы махнуть с утра,
Где смотрят железные сны трактора,
Где ельник дюж
И крепок сосняк.
В такую глушь
Без тебя — никак.
Там белка огонь на хвосте несет,
И чутко бредет коронованный лось.
Там чащи из диких зеленых сот
Смелою, как медом, прошиты насквозь.
Поедем туда, где тропа в свой черед
Нырнет в голубичник и пропадет.
Гускай пропадает! И мне, и тебе
Что в этой проложенной кем-то тропе?
Нам по характеру
Первый след
На травы,
На росы,
На иней,
На снег!
...Товарищ снимает ватник с гвоздя.
А ватник широк — по его плечам.

Как будто стежки, хвоинки блестят,
На нем застрявшие невзначай.
Вразвалку в холодное утро идет,
И в синих сумерках броско,
Как будто малину кидает в рот,
Попыхивает папироской.
Уже на разъезде басит мотовоз
Запальчиво и хвастиливо
И, хоть до собратьев больших не дорос,
Подражает локомотивам.
Рабочее братство торопит шаг —
И вот запокачивались вагоны.
И клином стальным — аж ветер в ушах! —
Пробит коридор зеленый.
Но вот остановка. Перрончик тут —
Лишь кочки, да ягель серый,
Да старый вагон, который зовут,
Шутя, рестораном «Север».
А в нем тетя Клава, бела и пышна,
Колдует с утра над борщами.
И тех, кто моложе, с улыбкой она
Особенно угощает.
Но это потом. А сейчас валит
С подножек рабочее братство.
И солнышко рыжим кустом вдали
Начало разрастаться...
Товарищу любо: какая краса!
Шагает без тропки дальше.

Он здесь, в затуманенных синью лесах,
Из вальщиков — лучший вальщик.

Толпятся стволы — даже острый взгляд
Вершин не достанет снизу.

Такие, наверно, державно шумят
С эпохи феодализма.

Вот это работа — берись и твори!
Тут надо быть сильным парнем.

И ухают елки, будто цари,
И сосны летят, как бояре.

Не просто таких убирать с земли,
Но в парне — сила извечная.

Он знает, как надо под корень валить —
Его учить нёчего!

87
88
89
90
91

Библиотека

им. И. С. Бабушкина

Е Л Ъ

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой
И, вершинку опалив о звезды,
Накренилась темною пургой
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать,
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе вычертив кривую
И последнюю черту,
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрей, все ниже, ниже,
Понимая,
Что не выжить.
Вот уже подлесок,
Мох, кочки —
И
Тяжелый вздох!

* * *

Судьба не сладкая — вдовья
На праздники не красна,
А понедельников вдоволь
Для матери припасла.
Мать сеяла хлеб и жала,
Не думала о себе:
Одна осталась большая,
Все маленькие в избе.
...Какие годы пережили!
И шутит грустно она:
«Теперь все стали большие,
А маленькой — я одна...»

БОЖАТКА

Есть в деревне у нас божатка —
Так мы родственницу зовем.
Приезжай хоть ночью, хоть днем,
С кем угодно — накормит сладко,
Распахнет с радушием дом.

Удивляться не перестану:
Голова уж белым-бела —
Столько стужи пережила, —
А в глазах, конечно, усталых
Неизбывно еще тепла.

Обо всех разузнать ей надо:
С кем-то плохо — огорчена,
Будто в чем-то ее вина;
У кого-то удача — рада,
Будто так и знала она.

Или вспомнит, к слову, подругу —
Забралась за Полярный круг.
Написать-то все недосуг.
И направит посылку луку:
Хорошо на севере лук.

А бывает и так с божаткой:
Включит радио — что твердят?
И молчит час и два подряд...
Негров жалко. Вьетнамцев жалко.
Все же люди. Все жить хотят!

Так взволнуется, всколыхнется
Сердце русское неспроста:
В нем извечная широта.
...Где, скажите, еще найдется
Терпеливее доброта?

* * *

Вас. Коркину

Когда он сказал: «А ну, потесней!» —
Пошли садиться по очереди
По правую руку — пять сыновей,
По левую руку — четыре дочери.
Такие семьи не часты теперь,
И я удивленно и радостно
Сидел, отогревшись в шумном тепле,
Смотрел, как все здорово ладилось.
Буханку, как доброе чудо держа,
Он резал и щедро, и медленно
И, крупные ломти снимая с ножа,
Клал горкой на стол обеденный.
Хозяйка открыла кастрюлю с борщом,
И жаром дохнуло наваристым.
Она добавляла еще и еще
И лишь черпаком говорила: «пожалуйста».
Тарелки сверкали, и в каждой из них
Качалось по вкусному солнышку,
И перец, и соль из посудин резных
В него насыпали по зернышку.

На пухлых, смешливых и влажных губах
Дрожало оно, золотистое,
И, каплей случайной на скатерь упав,
Дробилось веселыми искрами.
А хлеб, черный хлеб, аппетитно хрустя
Во здравие пекаря местного,
Спокойную радость таил в ломтях
И незаметно главенствовал...
И не было здесь, за дружным столом,
Ни роскоши и ни бедности,
Но в тесном кругу, но в соседстве таком
Всем отлично обедалось.
И я, побродивший свое по земле,
Опять постигал заново,
Насколько же вкусен черный хлеб,
На жарком поду зарумяненный!
Насколько ж горчица свежа и крепка
И перец горяч до горечи,
И суп из рабочего черпака
Насколько же добр и солнечен!

МОЛОКО

При этом слове непременно
Подумаешь: а хорошо
Открыть бидон, в котором пена,
Как белый-белый гребешок.
И ослепительно набулькать
В стакан густого молока,
И разломить скорее булку,
И пить, холодное пока.
Блеснут росинки на стакане.
Ты кончишь пить и скажешь: «Ах!»
И молоко следы оставит
Ромашкой свежей на губах...
Но для меня при этом слове
Сейчас другое наяву —
Село далекое, лесное,
Где я у матери живу.
Здесь крыши горбятся от снега,
Морозно, с треском дни горят.
Нос только высунь — покраснеет
И будет ярче снегиря.
Сюда дороги по болотам
Не широки и не легки,

Как будто белые ворота,
То тут, то там березняки.
Вот здесь, где снежные угоры,
Где руки ноют от забот,
Где о поэзии не спорят,
Но где поэзия живет,
Бежит, бежит тропинка хрусткая
Сквозь череду метельных дней,
И молодая, очень русская
Проходит женщина по ней.
Идет порывистой походкой,
Вперед склоненная слегка,
Идет своей тропой короткой,
Но так ли тропка коротка?
Она сама ее торила,
И закипал вокруг, и жег
Не этот белый снег впервые,
А снег сомнений и тревог.
В снегу таком, конечно, просто
И растеряться, и отстать,
Но ветры тихого упорства
Калили молодую стать.
И вот бежит тропинка хрусткая
Сквозь череду метельных дней,
И молодая, очень русская
Проходит женщина по ней.
И свет в оконцах зажигается,
И целый вечер под рукой

В ведре вскипает и шатается
В папахе белой молоко.
И пейте, люди, на здоровье —
Понравится наверняка.
...Встает с поэзиею вровень
Простая кружка молока.

ДОМ ОТДЫХА

С. Ф. Швареву

Дом отдыха — как государство
Зеленой, теплой тишины.
Его границы не напрасно
Вокруг сосняком овершены.
Сюда причаливай и здравствуй:
И повара, и доктора,
И сам директор государства —
Все преисполнены добра.
Гуляй себе — чего же проще —
И запасайся солнцем впрок!
Но люди, пожилые в общем,
Лишь переступят за порог,
На миг стушуются как будто,
Родную почву потеряв,
От белоснежного уюта,
От звона сосен, пенья трав.
Им довелось пройти немалый,
Державный, в полном смысле, путь,
И лишь порою выпадало
Не отдохнуть — передохнуть.

И этот миг, что был заране
Предвиден, снился им не раз,
В душе растерянностью странной
Вдруг отзыается сейчас.
С какой-то детскостью забытой
Идут — и кругом голова.
И речка — синее событие,
И диво пестрое — трава!
Затем, на первой же неделе,
Нежданно узнают о том,
Что отдых — вовсе не безделье,
А дело, мудрое притом.
И в этом деле непонятном
Они — неграмотный народ.
«Эх, поскорей бы уж обратно!» —
Иной не стерпит и вздохнет.
И нет задумчивости хмурой,
И оживляются они,
И начинают — вот натура! —
Уже считать по пальцам дни.
...Вот, наконец, автобус подан.
С крыльца им долго машут вслед.
Ну что ж, до следующего года,
Который... через много лет.
А дому отдыха «спасибо»
Они хотят за то сказать,
Что он помог невыносимо
И радостно затосковать!

ПРИЯТЕЛИ

Бывало, утром весело
Приятели разбудят —
И к черту равновесие
Праздников и буден!
Все в жизни перевидели
И ко всему готовы,
Ценители, любители —
Что поострей — такого,
Они — мне все приятели.
И я — для всех приятель.
Они рубли не прятали,
И я рубли не прятал.
Лишь иногда внимательно
Глядел, тоской задетый:
А ладно ли, а надо ли,
А верно ли все это?
Все выслушано, вызнано,
Поведано друг другу,
Но начинали сызнова
Мы по второму кругу.
И молча знали загодя:
Нет денег — будут скоро:

Они — не рожь, не ягоды —
Растут в любую пору.
Ох, мы не деньги тратили,
Да, тратили не деньги.
Приятели, приятели —
Пропащие недельки!
В себя с тревогой вслушался
И в них всмотрелся остро,
И обмер: каждый в сущности —
Как обмелевший остров.
Вода, большая, пенная,
Ушла, и остров стынет
С кореньями, каменьями
В густозеленой тине.
Враз опахнули трезвостью
Оконные квадраты.
Себя толкнул я с резкостью,
Чтобы сказать: «Ребята!
Одно я вспомнил правило —
Из века в век так было:
Мужчин безделье старило,
А дело молодило...»
Луна плыла над городом —
Наш вечный провожатый.
Мы расставались коротко
И без рукопожатий.

* * *

Напеки мне, мама, рогулек,
Как когда-то дома пекла,
Чтоб они поутру сверкнули,
Словно солнышки, со стола...

До чего ж золотисты, сочны
И защипаны по краям!
Мы берем — и ржаные сочни
Жаром веют в ладони нам.

Только дело не в них...

Как с другом,
С ней, родимой, сижу вдвоем.
К матерям идем, если трудно,
А не трудно — к другим идем.

Вот какие бывают штуки:
Мы, ушедшие от земли,
В пору добрую все науки —
Не в пример матерям — прошли.

И по грамоте больше знаем,
Им не снилось такого знать.

А случись заковыка с нами —
Словно мальчики, к ним опять.

Их глаза добротой лучатся.
В чем-то все же они умней.
И глядят с тревожным участем
На ученых своих сыновей.

ДЕВЧОНКИ

Насмешливые челки
Да яблоки щек.
Фабричные девчонки —
Как жаркий ветерок.
Не нам сказали: «Здравствуйте»,
Кивнули не нам —
Прошли, походкой хвастая,
К своим парням.
А мы на стыке улиц —
На стыке разных лет —
Им просто улыбнулись
И посмотрели вслед
Не то чтоб удрученно,
Но (все же — но)...
И вспомнили девчонок,
Встреченных давно.
Их выбрали мы сами,
Не спросясь родни.
С огромными глазами
Были они.
Чтоб мамы не видели —
Сбегали от мам,

Чтоб люди не выдали —
Шли на обман.
К нам падали на руки —
Ох, тонки!
Казались жаркими
Нам пиджаки...
А годы катятся
Под сердце к нам.
Мелькают платьица
Уж где-то там,
Как будто за горами,
На первом рубеже.
Уже повыгорали,
Повыцвели уже.
Тем боле облегченно,
Бывает, вздохнем,
Когда мы тех девчонок
В женах узнаем.
Они теперь уж матери,
Хозяйки они.
Но иногда внимательно,
Нежданно взгляни —
Вот праздник. Увлеченно
Танцуют и поют.
Те самые девчонки,
Девчонки тут!
Чуть что — и огорченно
Вспыхнут, вскипят.

Глядишь — опять девчонки,
Девчонки опять!
И хорошо, признаться,
С такими быть.
Чтоб молодым остаться,
Надо любить.
...Насмешливые челки,
Походочка горда.
Будьте вы, девчонки,
Девчонками всегда!

* * *

Ах, свадьбы шумные! Едва ли
Найдется что-то веселей...
Мы на чужих с тобой бывали,
Но не бывали на своей.
В ту пору, не придав значенья,
Без свадьбы начинали жизнь.
И к нам тогда на чай вечерний
Лишь очень близкие сошлись.
Ну, упрекнуть бы нас хотя бы
Иль намекнуть: мол, как же так —
Нельзя, соколики, без свадьбы,
Она, представьте, не пустяк.
...Жизнь чередом пошла не сразу,
Но обижаться нам нельзя:
Своей любви мы знали праздник —
Пусть позавидуют друзья.
Однако тихою досадой
В душе уже который год
Несостоявшаяся свадьба
Все ощутимее живет.
Она как будто где-то рядом
С цветами, музыкой, вином.

И так она доступна взгляду,
Что кажется: вот-вот придем.
Нас заждалась она, такая,
Пускай нешумная — своя.
Уже наполнены стаканы,
И собрались уже друзья.
И это чувство все сильнее,
И мы с тобой чего-то ждем.
...Ты для меня еще роднее,
Еще дороже с каждым днем.
И для тебя я сделать рад бы
Все, что сумею и смогу.
И лишь в огнях и песнях свадьба—
На недоступном берегу.

ЗНАКИ

Меня сердитый дождь загнал,
Когда я к речке вышел,
В полу забытый сеновал
С растрепанною крышей.
Теперь не кроют крыш у нас
Соломой желтой, спелой,
И эта, чудом сохранившись,
Как решето, висела.
И лишь по ней наискосок
Дождинки полоснули
И забугрились возле ног,
Как разрывные пули,
Уже не скрыться было мне,
И я присел устало.
И тут увидел на стене
Ряды инициалов.
Пестрели буквы так и сяк
На бревнах поседелых,
И всюду плюс — крылатый знак
Тех чьих-то чувств несмелых.
Врезали буквы неспроста:
Знать, верили наивно,

Что их единственная, та,
Свое узнает имя.
И был счастливым — кто врезал:
Звенела ель сухая,
Всплывали девичьи глаза,
Шаги, ее дыханье.
Шумел, наверно, сенокос
Б те полдни голубые.
Девчушки задирали нос,
Которых так любили...
Я эти стены, как дневник,
Разглядывал сначала.
А сопоставил, в знаки вник —
Мои односельчане!
Ну да, врезали каждый знак
Знакомые ребята.
И вижу: в жизни все не так,
Все на других женаты.
А здесь лишь только след игры,
Давнишней и особой,
Когда хотелось им открыть
Смысл потайного зова,
Когда им стало в первый раз
Томительно и грустно,
И принимали, торопясь,
Предчувствие за чувство.
Во всем привыкшие спешить,
Все обозначить словом,
Движенье первое души

Любовью звать готовы.
Боясь, что кто-нибудь не так
Подумает, как надо,
Они врезали каждый знак,
Открытый многим взглядам.
И знакам тем потерян счет
На бревнах поседых.
Их точит жук, их дождь сечет,
И никому нет дела.
Чего, казалось бы, жалеть,
А все ж чего-то жалко...
Смотрю, как дождь, отяжелев,
Идет-бредет вразвалку.

ЕНЯ

В рябиновой нашей деревне
Легенды в заулках лежат.
Жил пахарь, по прозвищу Еня,
Здесь лет полтораста назад.
У старого Ени избушка
Косилась в четыре угла.
Ее называли вползушка —
Настолько низка и мала.
Ударят ли градины хлестко,
Качнет ли поля недород —
Бывало, ему на полоску
Всех более лиха падет.
Все шишки летели на Еню.
Другой бы на месте его
Свалился давно на колени,
А Еня — стоял, ничего.
Лишь с горести ковшик в полпуда
Осушит, достанет кисет
И крякнет: «А жить-то не худо,
Добро, что родились на свет».
И вкалывал пахарь вновинку
На пожне, как в пору гульбы.
Он был мужиком с веселинкой
И редким чаевником был.

Случись к самовару добраться,
То властъ выжимал из него
Без сахару чашек пятнадцать,
А с сахаром — больше того.
А если ему приносили
К обеду — лишь только давай —
Рогулек большую корзину,
В придачу еще каравай,
Тогда не без легкой причуды:
Кидал он веселый ответ:
«А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет».
...Уж трижды из елок из новых
Рубилась деревня с тех пор.
А Енино это присловье
Нет-нет и влетит в разговор.
Мы знаем: живали сильнее,
Покруче его мужики,
А на тебе — помнится Еня,
И не было вроде других.
А все объясняется просто:
Такие, как Еня, спроста
Веселую искорку бросят —
И светится искорка та.
И мы, месим землю покуда,
Все слышим из давности лет:
«А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет!»

СИДИТ СТАРИК НА МЕЛЬНИЦЕ

Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.
И сам он — как бывальщина,
С дремучей бородой,
Которую отращивал
С последней мировой.
Вот снова быль у старого,
Как зайцев загонял
Зимой, бывало, стаями
Во двор, на сеновал.
И, к слову, быль военная,
Как гнался за вражьем
Под Прагою и Веною
На танке на своем...
И быль за былью вяжется,
И былям нет конца.
Что прожито — то скажется,
Заденет за сердца.

Ведь было в жизни всякое:
И радость, и беда.
От горя редко плакали,
От радости — всегда.
Полсвета исходили мы
Не ради красных слов.
И веет, веет былями
От прожитых годов.
...Сидит стариk на мельнице,
Бывальщины плетет,
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.

ПРЕДАНИЕ

На острие речного склона
Сосна висела высоко,
Как будто колокол зеленый
С обронзовевшим языком.
И Петр велел гребцам причалить.
Без передыху взлез туда,
Где вровень с царскими плечами
Синела хвойная гряда
И земляничным ветром дуло...
Он сел, разувшись, на траве,
И государственная дума
Затяжелела меж бровей.
Деревни ближние окликав,
Собрали мужиков зараз
У той сосны, где Петр Великий
Сидел и пил холодный квас.
Столпились мужики тревожно.
А царь встает и говорит:
«Скажите, можно ли до Ковжи
Отсель самим реку прорыть?»
И отвечали: «Отчего же?
Как скажешь, царь, тому и быть.»

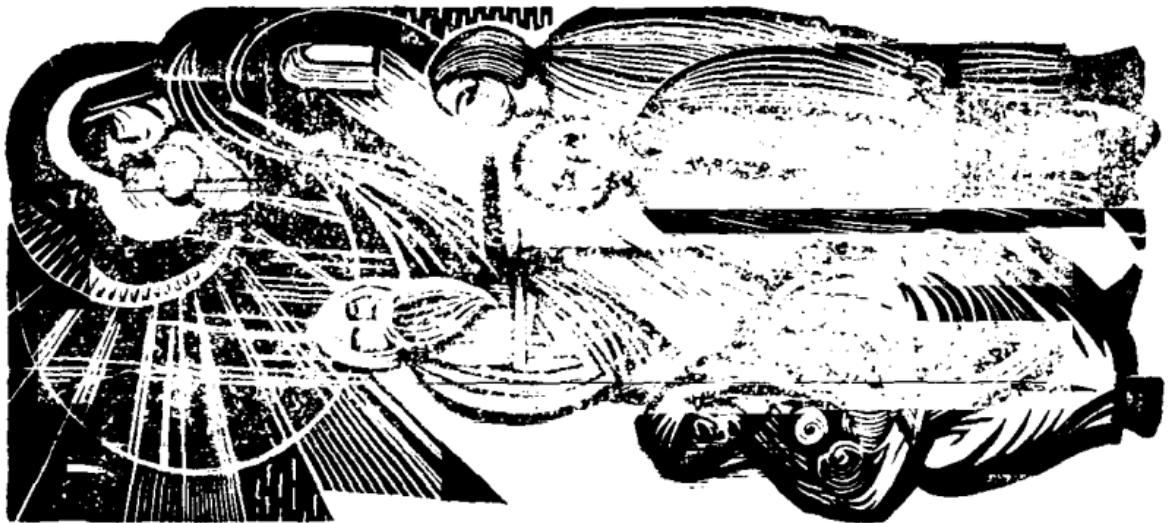
Все можем для Руси, все можем —
Что турок бить, что речку рыть...»
Доволен Петр таким ответом.
На берег бочка сгружена —
И мужиков зовут отведать
За говор царского вина.
Ох, и забористо царево,
Хмельно бордовое вино.
Под стать вину царево слово—
Оно и крепко, и красно.
Петр говорил, что краем здешним
Судам в столицу должно плыть...
Быть нелегко Петром, конечно,
Но мужиком не легче быть.
Уехал Петр. А здесь, в топине,
В лесах, где испокон веков
И тропок нет, трещали спины,
Как на Неве, у мужиков.
Пески сыпучи. Камни гладки.
И тяжек черный бурелом.
И это все — лопаткой-маткой
Да еще — батькой-топором!
Но шли, как на Руси обычно,
За мастерами мастера.
Их безымянное величье
Великим делало Петра.
О славе не радели предки,
Но лишь о них напоминал

Вплетенный в северные реки,
Как будто кружево, канал.
И даже вот преданье это
И то от них дошло до нас
О том, как Петр далеким летом
Пил под сосной холодный квас.

ДИОНИСИЙ

В Вологодской области находится Ферапонтов монастырь— исторический памятник древнерусского зодчества. Его в 1500—1501 гг. расписывал гениальный русский живописец Дионисий.

Когда-то было в Белозерье это.
В монастыре, затерянном в лесах,
Иконописец в памятное лето
Богоподобно красками писал.
И пахари, забыв на время дело,
У врат соборных грудились толпой,
И, задирая бороды, глядели
Восторженно под купол голубой.
Там совершалось чудо. Дионисий,
Лобастый и приземистый старик,
Касался сводов немудреной кистью —
И на камнях рождался дивный лик.
И что-то очень близкое, земное
Сквозило в лице матери святой.
И люди с обнаженной головою
Немели перед этой красотой.

...В молчанье строгом я гляжу
на фрески,
Хранящие седых времен следы,
И вижу в них не ангелов библейских,
А дальних предков мудрые черты.
И говорят об этом фрески сами,
Что наши предки в глубине веков
Своими гениальными руками
Себя творили в образе богов!

* * *

У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла,
И как огромна Россия,
Бпервые теперь поняла.

Меж матерью и меж ними
Впервые с недавних времен
Стал самым необходимым
Чужой человек — почтальон.

С утра побредет из деревни
На почту один по снегам,
А мать готова поверить,
Что он уходит к сынам,

Что он дойдет непременно
(День целый — да это год!)
И в сумрачную деревню
От них письмо принесет.

...Окно застилает дымом,
С чего бы — ей не понять.

Идет почтальон, но мимо,
Идет, но мимо опять.

И надо себя пересилить,
И браться вновь за дела...
У матери старой три сына—
Всех на ноги подняла.

* * *

Да, он вскипал
При жизни неспроста
От лицемерия
И хвастовства.
Да, он твердил,
Глядел наверняка,
Что шкурничество
Пострашней врага...
Что он сказал бы,
Если был бы жив,
Он, не терпевший
Трескотни и лжи,
Он, отличавший
Мудростью своей
От фарисейства
Прямоту друзей,
Что он сказал бы?
Мне покоя нет...
Я сам в себе
Ищу его ответ.

* * *

Тревожно, и сладко, и грустно
Звенят надо мною опять
Березы — зеленые гусли,
И сердце ничем не унять.

Дивлюсь сам собою: откуда
Во мне эта древняя грусть?
И солнцу, как рыжему чуду,
Задумчиво поклонюсь.

Мне хочется землю ворочать,
Парную и тяжкую, всласть
И в борозду позднею ночью
От устали навзничь упасть.

И тянет у заводей диких
Костры распалить веселей,
На палках, как будто на пиках,
Поджаривать сизых язей.

Сидеть по-язычески строго
И, к сердцу приставив ладонь,

Глядеть на косматого бога —
На этот всесильный огонь.

И сам понимаю, что странно,
И я — не такой уж чудак,
Но хлынут весною туманы,
И хочется именно так.

ЧЕРЕМУШКА

Стоит, теплом обласкана,
Лесной, душистой сказкою
У самого солнышка
Роскошная черемушка.
Березкам ли дивиться бы:
Ведь сами белолицые,
Форсистые да чистые —
И то ксятся издали.
А ольхи неопрятные
Стыдливо ноги спрятали,
Застыли, словно золушки,
Вокруг черемушки
И тоже удивляются:
«Какая красавица!
Откуда же, откуда же
На ней такое кружево?
И как на этой сырости
Могла такая вырасти?»

Д О Ж Д Ъ

Дождь в клеточку,
И в полосочку,
И в косую линейку
Льет.

Лезут травы,
Играют веточки,
Пляшет озимь,
Смеется лен.

Сивый дед бредет по деревне,
Всеми признанный старожил.
Под таким дождем суеверно
Свою лысину обнажил.

И бегут девчонки, хохочут:
«Дед, ты тоже готовишь почву?»
Он вздыхает: «Почва не та —
Не растет давно ни черта...»

Убежали, весельем брызнув,
Ноги смуглые оголив,

Озорные от буйства жизни,
В этот шумный, дымный разлив.

Покачал головою дедко:
«Мать честная, какие девки!»
...Дождь укатывается огромной
И светлеющей полосой...
Вырастайте, хлеба, с оглоблю,
А картошка — расти с колесо!

ЛЕТО

Стручки акации трещат,
Как будто пялят рты
От жажды тысячи цыплят,
Забравшихся в кусты.
И тянет смолкой самой той
От бревен избянных,
Что сотни лет назад впервой
Весной взыграла в них.
Вот какова у солнца власть —
И смолка ожила:
Отозвалась, отзывалась
Из мертвого ствола!
И этот жаркий вздох кустов
И сосен-вековых
Теснит малиновый, густой,
На всю округу дух...
Я замираю, озарен:
Да это ж разлилась
Былых и нынешних времен
Во мне и в мире связь!
А рядом девушка идет,
Ореховая вся,

Речной воды веселый гнет
На коромысло взяв,
Чтоб ведра зря не расплескать,
Она вложила в них
По два больших — с ладонь —
листка,
Зеленых и резных.

* * *

Беру себе в попутчики
Лишь легкий батожок,
Чтоб он ручьи гремучие
Мне перейти помог.
Иду заросшей, длинной,
Но памятной тропой:
Когда-то по малину
Ходили мы с тобой.
Иду — и сердцу верится
Без всяческих затей,
Что вот за этим деревцем,
А может быть, за тем
Увижу на поляне,
Кустарник разведя,
От ягод полупьяную,
Всю в солнышке тебя.
Как будто ты на празднике,
И белый косячок,
На волосы повязанный,
Смахнула набочок.
Стоишь, такая близкая,
И смотришь на меня,

Глаза в зеленых искорках
Ладонью заслоня.
Все кружится от радости,
И я тебя зову.
Корзинка тихо валится
И сыплется в траву.
...Я взял не зря в попутчики
Лишь легкий батожок,
Чтоб лишнего при случае
Сболтнуть о нас не мог.

* * *

Брату Павлу

На солнечной ветке лета,
Как ягоды, зреют дни.
Сперва, докрасна прогреты,
Клубнично пахнут они
И в руки катятся сами,
Светясь зарей изнутри.
Бери их скорей с друзьями,
С любимою их бери!
Спеши: погодя немножко,
Иные уже с высоты
Летят, как шары морошки,
Сиянием налиты.
Смотри: новизной дурманя,
За этими там и тут
Черничным синим туманом
Уже другие плывут.
На солнечной ветке лета,
Как ягоды, зреют дни.
И горько, если бесследно,
Зазря опадут они.

* * *

Картошку девушка копает
Прозрачным вечером одна.
На ней кофтенка голубая —
Впервые, кажется, тесна.
И девушка не понимает,
А отчего она тесна.

Копать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед,
Роняют в дождевую воду,
Но и в воде не тает мед.

Она стоит, облокотившись
На вересовый черенок.
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.
Откуда он? От ребятишек,
От их костра плывет дымок.

И песни хочется негромкой,
Которой и названья нет,
И чтобы кто-то шел сторонкой,
Ее окликнул бы в ответ,
Ее окликнул бы негромко,
Но никого покуда нет...

* * *

Ю. Брагину

Проплывала паутинка
И без ветра — так мала.
Вдруг случилась с ней заминка:
На березку наплыла
И задела рыжий листик.
Он от этого толчка
Повернулся золотисто
И сорвался свысока.
Вон летит, других тревожит...
И они наперебой
Каплют, каплют, словно дождик,
Надо мной и над тобой.
Хорошо! Мы оглянулись
На четыре стороны
И березам улыбнулись,
Благодарны и нежны.
Все живем в делах серьезных
Да в заботах день за днем.
Позабудем про березы
И проведать не приDEM.

Пишем книги, ставим домны,
Чертим звездные мосты
Вдалеке порой от скромной,
Этой милой красоты.
Но и сердце тоже просит
Отдохнуть, и лишь тогда
Поскорей — куда? — к березам,
Будто к добрым докторам.
Вот они — свежи, как утро.
Их прохлада чуть горька.
И листва плывет, как будто
Солнечные облака.
И мы чувствуем, что снова
Будто в молодость идем
Под березовым, здоровым,
Ослепительным дождем.

* * *

Ничто не минуло бесследно —
Отозвались в момент один
Все зори, собранные с лета,
В лиловых всполохах рябин.
А давних дней густое солнце
Как будто сызнова зажглось
В развесенной на горизонте
Цепочке огненных берез...
Смотрю в себя, и сердцу горько:
В один, теперь уж стыдный час
Легли навек мои упреки
Морщинкой у любимых глаз.

МАМОНТЫ

По ночам проснусь и слышу:
Нету в мире тишины —
Шлеп да шлеп дожди о крышу,
До ознона холодны.
Сразу в миг такой отрадно
Станет сердцу потому,
Что со мной встречаешь рядом
Настороженную тьму.
Близкая — дыханье чую,
Милая — навек одна...
И плывет, плывет, как чудо,
Звонкая картинка сна:
Будто стадом темно-серым,
Солнышко загородив,
Пробираются на север,
Словно мамонты, дожди.
Мнут траву в округе нашей,
Птиц пугливых разгонив,
Только нам с тобой не страшно:
Добродушные они.
Их рукой коснуться можно,
И становится нам жаль

Уходящих бездорожьем
В нахоложенную даль.
Видим: изморозь седая
Им совсем невмоготу —
Устают и оседают,
Вымирают на ходу.
И уже последний мамонт
Вот споткнется, упадет
В океан студеный прямо,
Обернувшись в синий лед.

ЗИМНЕЕ УТРО

Поленьями ольховыми
Похрустывает печь.
Как благодатно с холода
Кофтенку сбросить с плеч!
И вот в сиянье жарком
Она полунаага.
Шипя, летят огарки
Стрекозами к ногам.
Их веником сметает,
Чтоб ноги не обжечь.
И шаньги на сметане
Начинает печь.
На окнах иней розовый:
Видать, заря встает.
Пропели рядом розвальни
И стали у ворот.
И вот уж двери настежь,
И на пороге — он!
Смеется: «Здравствуй, Настя!»
И делает поклон.
А от порога катится
По половицам пар

К босым ногам красавицы,
Как белый-белый шар.
И вспыхивает девушка,
Не смея поглядеть:
Кофтенку сразу —
где уж там! —
Успеешь ли надеть.
«Да что ж ты, Настя,
прячешься?
Ведь я к тебе — навек!..»
И на лицо горячее
Летит с ушанки снег.

* * *

Уж тридцать лет,
Но вокруг себя взгляни:
Друзей-то нет,
Приятели одни.
Понять нетрудно,
Это почему:
Сам, значит, другом
Не был никому.

* * *

Разлука — что зима у нас на севере,
И день и ночь метелями знобит,
И потому с души моей отсеяна
Вся шелуха упреков и обид.
Бывает, под метелью трудно выстоять,
Но крикнуть, чтоб услышали, трудней.
Вот так и я — кричу тебе, единственной,
Сквозь маяту моих метельных дней.
Кричу: люблю! И тем живу и верую,
Что ты услышишь и поймешь меня.
...Разлука — что зима у нас на севере:
Все жжет, лишь оставляет зеленя.

* * *

Очень мало ты отдыхаешь:
Каждый день волчком заведен.
...А над Белым озером — знаешь? —
Белый-белый летит перезвон.
Говорят, будто он весною
Лишь покатится к берегам —
И черемуховой белизною
Запуржит побережье там.
Не понять, где вода, где берег:
Светлота и ночью, и днем.
В эти рассказы любо верить...
А давай-ка туда махнем!
Ты оценишь мое старанье
И поверишь — я не плохой:
Закажу билеты заранее
На трехпалубный теплоход.
Будут нас покачивать волны,
Что, взрывааясь у самых кают,
Из Невы до матушки Волги
Через всю Россию бегут.
Сядем рядышком для беседы.
Только где ж беседы зачин?

И пока до озера едем,
Мы о многом перемолчим.
Надоели слова пустые,
Каждодневные — немоготу,
И, пожалуйста, ты прости мне
Эту долгую немоту.
А когда за речным изгибом
Вспыхнет озеро там и тут,
Облака, что белые рыбы,
Нас заметят и уплывут.
Волны шлепнутся в борт, натешась,
Разлетаясь холодной пыльцой, —
Лепестковая сразу свежесть
Опахнет, остудит лицо.
И в платке, ветрами клубимом, —
Руки врозь — ты станешь опять
Молодой... И на этих глубинах
Попытаюсь тебе сказать
Очень тихое, очень простое —
Краснобайством не оскорблю:
«Потому я чего-то стою,
Что тебя да Россию люблю».

* * *

«Все вынесу, — давно твердишь ты,—
Пусть будет тягостнее трижды,
Пусть холод, голод, пусть опасность,
Но лишь была бы в сердце ясность».
...Настала ясность. Нам пришлось
Платиться серебром волос.

* * *

Как мало все-таки ценим
Простого дружества круг
С непринужденностью мнений,
С веселым пожатьем рук
Без всякого величанья,
Не вспоминая услуг,
С беседой за чашкой чая,
А то с неурядицей вдруг.
Как мало все-таки знаем
О тех, кто рядом живет,
Бок о бок проходит с нами
С усталостью от забот,
Кто, может быть, ждет
совета,
Участья, поддержки ждет.
Но мы того не заметим
И мимо пройдем вперед.
Как мало все-таки видим
Певучую красоту
В траве, в ветвях перевитых
И в капельке на лету,
И в лютиках, нам привычных,

Что у дороги растут,
И в серой какой-то птичке,
Срезающей высоту...
...Но вот зазнобил меня ужас:
Упал и не встал мой друг.
И понял я, содрогнувшись,
Как дорого все вокруг.

* * *

Лишь память затронешь,
Посмотришь назад —
Вокзалы, перроны
Сквозь жизнь летят.
А где-то деревня
Одна, одна.
Черемухи дремлют
Возле окна.
И ехать-то к ней
Через две темноты,
Но тысячу дней
Собираешься ты.

СОЛДАТ

В высоком звании солдата
Прошел он до конца войны.
Лицо от пороха щербато,
И на руках рубцы видны.

Теперь он стар. В запас не годен.
И оттого, взгрустнув порой,
Он ищет карточку в комоде,
Ту, на которой молодой.

А там, завернуты в бумагу,
Полузабытые лежат
За Бухарест, Берлин и Прагу
Медали, что принес солдат.

И вновь в огне душа солдата...
Стонит, впервые удивлен,
Что пол-Европы смог когда-то
Пройти не кто-нибудь, а он!

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

Твои подруги замужем давно,
Учительницы сельской семилетки.
Ты их порой встречаешь у кино
И — что скрывать — завидуешь нередко.

Они к тебе нешумно подойдут:
Начальство все же — секретарь райкома.
И до сеанса несколько минут
Поговорят охотно о знакомых.

Мол, та родила, и женился тот...
И ты за них, конечно, будешь рада.
Пойдешь одна — и на сердце падет
Неясная и тихая досада.

На что же? На кого же? Не понять...
Потом забудешь о досаде этой:
В райкоме заседания опять,
Беседы и вручение билетов.

И за день стольким руки ты пожмешь,
И в столько счастий и несчастий вникнешь,

Что о себе ни разу не вздохнешь,
Не вспомнишь о раздумье о давнишнем.

И лишь когда останешься одна,
Когда мелькнут огни в тумане зыбком,
Почувствуешь ты снова, как нужна
Не встреченная до сих пор улыбка.

* * *

* * *

Бродить всегда немного грустно
По следу детства своего...
Под сапогом валежник хрустнет —
Ты не услышишь ничего,
Перед глазами те мальчишки,
Среди которых ты и сам...
Большой, чудной, не там их ищешь
И не по тем бредешь местам.
Пройди деревней — будут встречи,
И каждый может угостить.
Ну что ж — все верно, все извечно.
И надо ль, в сущности, грустить?
Но ты чего-то ищешь странно
В лесу без тропок и дорог.
Боровики — так еще рано,
А землянику — вышел срок.

* * *

Я только грустно усмехнусь,
Когда от явной скудости
При мне зашпарят наизусть
Заемные премудрости.
Жить — это значит на своем
Стоять не половинчато.
А мудрость мало взять взаем
И даже мало вычитать.
Она проста, как соль и хлеб,
Да лишь дается исстари
Тому, кто сердцем не ослеп,
Кто в жизни бури выстоял.

* * *

Бывает, ельниками еду,
От качки задремать готов —
И вдруг сверкнет в минуту эту
Один из древних городов.
Душа не меньше будет рада,
Когда из леса город тот
Сперва не крашеным
фасадом,
А легкой церковкой всплынет.
Нет, не поповские святыни —
Мужицкий гений в камне жив.
Соборы — витязи седые
В шеломах средь лесов и нив.
Они столетьями на север
Из глубины Руси брели
И на холмах крутых осели,
Как будто сторожа земли.
И возле них, теперь уж
тусклых,
На камне травянится грусть.
Я вспоминаю здесь, что русский,
И тем, что русский, я горжусы!

И не молитвенно настроясь,
На атеизм и сам горазд,
Во мне опять заноет совесть,
Когда увижу без прикрас,
Что скоро этих стен не станет...
Не камни рушим — а века
И нашу собственную память.
...Ужель она не дорога?

* * *

Тихо, как в давние годы,
Снова наплыли снега.
Чувством забытой свободы
Захолонуло слегка
И потянуло из дома.
Ах, как сияет кругом!
И до чего же раздольно
Жить на просторе таком!
Может, решиться без шуток,
Ради крутых перемен,
В лавке купить полушубок,
Валенки выше колен —
И в перелесок гривастый,
Чтоб топором не спеша
Елки ядреные хрястать,
Снегом каленым дыша.
Ну, а под вечер бы вдоволь,
Если по нраву тебе,
Пить молоко молодое
В жаркой и светлой избе.
Пить и гореть без утайки,

Если сверкнут белизной
Крепкие груди хозяйки
В вырезе кофты цветной.
Жить первозданно и просто:
Днем—чтобы звезды в снегах,
Ночью—чтоб на небе звезды,
Утром — в огне очага!
Может быть, это и можно.
Может, умеет иной?..
Знаю одно, что моложе
Люди бывают зимой.

* * *

Под осень в просеках седых,
Зимой в снегах, а летом в травах
Едва заметные следы —
Как прочерк быстрый и корявый.

Порой, где лишь глухарь взлетит,
Ведут, ведут в лесные дали...
Тропинки — только ли следы?
Они лишь кажутся следами.

Вот, скажем, эту кто торил?
Здесь лишь рябины полыхают.
Здесь шел поэт, стихи творил —
И след его звучал стихами.

А вон размытые следы
Полны изломанной тревоги,
Как будто кто-то груз беды
Унес подальше от дороги.

А там — следы оборвались,
А тут — к шоссе взметнулись быстро,

Как будто брошенная мысль
И мысль нежданная, как выскерк.

И так и сяк, на разный лад
Бегут тропинки к нам под ноги
И часто больше говорят,
Чем в знаках шумные дороги.

* * *

Сердцу милое навек —
Черный ельник, белый снег.
Из-за ельника красна,
Будто старая сосна
Срезом вниз обращена,
Крупно катится луна.
И навстречу — ни души,
Только тропка шуршит.
Возникает тихо грусть:
Ну, а если заблужусь?
Полосует сразу страх:
Это что же там в кустах?
Что же, что?..

Ах, невдомек —
Это ж тянется дымок!
Грусть пропала.
Страх отлег.
Мир понятен.
Шаг легок:
Вырастает издалёка
Синей
веточкой
дымок.

* * *

Мы —

как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем уперлось в село.
Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю --
И вершину знобит.

Б А Б К И

Здесь с облака до облака
Тропа проторена,
Как с волока до волока
В былые времена.
На ней непросыхаемо
Ручьется синева,
А обернется яминой —
Так выдохнешь едва!
Однако бабки старые
Сидят — и ни гу-гу.
Летят они из Тарноги
Да сумки берегут.
Над редкими часовнями,
Забывшими догляд,
Над далями сосновыми,
Как ангелы, летят.
И рядом солнце шествует,
И синь вокруг чиста,
И бледностью божественной
В них светит высота...
Как будто в клетку вышитый
Внизу рушник плывет —

Над городскими крышами
Качнулся самолет.
Пришла и бабкам очередь —
На волю вылезай:
Кто — к сыну, а кто — к дочери,
А кто — и на базар.
И вот они, сошедшие
По трапу на бетон,
Уже земные, женщины
С обычной суетой.
Везут машины на дом их,
К базару по пути.
Еще и в церковь надо бы,
Ох, надо бы зайти...
Убегаются старые,
Побудут там и тут.
И соберутся в Тарногу,
А в церковь не зайдут.
Лишь выдохнут: «Ох, грешные,
Помолимся потом...»
Их, сумками увешанных,
Встречай, аэродром!
Уже им машет издали
Пилот в железный срок —
Их с давних пор единственный,
Свой, местный, добрый бог.

ИЗ НАРОДНЫХ МОТИВОВ

Помнится, всякие были метели:
Смехом раскатистым с горки летели,
В окна девичьи стучали с маxу,
Будто гуляки в белых папахах.
Вот уже стелются неотвратимо,
Будто с костров, отгоревших, дымом.
Помнится, было совсем не жалко,
Что пеленали они лужайки
И отзывались грустью короткой,
Что застилали тайные тропки.
Вот уже сердце полно тревоги,
Что заметают они дороги.

ПРОСЕЛОК

Я высовываюсь: что там?
Тормозит зачем шофер?
Строй рябин за поворотом —
Будто красный светофор.

От восторга тянем руки
И срываем, наклоня,
С веток теплых и упругих
Зерна спелые огня.

И охапку в кузов бросив,
Все же медлим: желтый свет...
Ах, какие тут березы!
Отмахнуться силы нет.

И следит шофер, задумчив,
Как сорвавшийся листок,
Будто золотистый лучик,
В небе тучку пересек.

Но — пора! Уже и с елок
Свет зеленый впереди
Облетает на проселок —
Проезжай и проходи!

Мы спешим. На сердце ясно.
Край родной — взгляни кругом —
Горизонтом опоясан,
Будто рыжим пояском.

* * *

Трава белоус, как проволока,
Щетинилась под ногой.
Дедова сила испробована
Вовсю на косьбе такой.
Слетал белоус жесткий
На мокрый вихор волос
Да так, что смахнуть расческой
До смерти не удалось...
Отец мой, простиившись наскоро,
Ушел на войну, как все,
И пепел домов ленинградских
Ему на виски осел.
И даже на летнем снимке,
Где он в гимнастерке одной,
Есть что-то такое зимнее
Над батькиной головой...
Да, время одною метой
Род отличает мой:
Суровым знаком столетья —
Раннею сединой.

* * *

До праздника задолго
Одна за одной
Хозяйки мыли окна
Солнечной водой.
И руки их сверкали
На переплетах рам
И с высоты лукаво
Помахивали нам.
Веселыми глазами
Глядели широко,
И радуги бросали
Из ведер на окно.
Подтеки, пятна пыли
Голубизной сплеснув,
Они не окна мыли,
А славили весну.
На женщин мы смотрели,
Сильных, молодых,
И веяло апрелем
Именно от них.
До праздника, до срока —
И это неспроста —

На сердце, как на окнах,
Творилась чистота.
Всю мелочность, усталость
Хотели сплеснуть,
Чтоб в сердце прояснялась
Солнечная суть.
Неузнанно покуда
И спрятано от глаз,
Но зрело, зрело чудо
Везде, во всем и в нас.
И вот почти незримо,
Но радость суля,
Бледно-зеленым дымом
Окутана земля.
И в самом дальнем
складе
Вздохнуло зерно,
Но слышно — будто рядом
Лежит оно.
Ну, а заря бескрайно
Плынет вдали.
Чистая такая —
Хоть флаги крои.
Все полнится светом
И тянется вперед.
И по зеленой ветке
В сердцах растет.

* * *

Да, в этом есть значительное что-то:
Проходят люди у Кремля сейчас
За жизнь свою в десятый раз иль сотый,
Но все равно как будто в первый раз.

И кто ни посмотрел бы—друг иль недруг,
Но равнодушно взгляд не отведет,
Когда на площадь с кумачовым ветром
Величественно движется народ.

Что движает его? Какая сила?
Пускай враги подумают! А нас
Она всех раньше к звездам возносила,
Бросала к амбразурам в грозный час.

И чем трудней в пути, чем было горше—
Нам всяко доводилось — тем светлей
Мы приходили вот на эту площадь,
Где гранями мерцает мавзолей.

Нам праздновать иначе не понятно,
Нам по душе — чтоб солнце впереди!

В любом, кто с нами, мы увидим брата
И руку на знакомство подадим.

Колышется, шумит и брызжет праздник
На милой, на большой земле моей.
И не одна, а очень много Красных
Теперь на белом свете площадей!

ДНИ НЕПРОЖИТЫЕ

Дни непрожитые, словно лес нетронутый.
Я смотрю на лес издалека:
Вон рукой подать — зеленокронная,
Легкая гряда березняка.

Не стволы, а струи родниковые
Над землею весело кипят.
Эх, березы — белые диковинны,
Вы всегда мне радуете взгляд.

И, наверно, радостное что-то
В предстоящих днях сулите мне.
Может быть, удачливой работы,
Добрых встреч, раздумий в тишине?

Только что ж кончаетесь так быстро?
Хмурый ельник рвется вширь и ввысь.
Мхами и валежниками выстлан,
Сквозь него — попробуй проберись.

Вглядываюсь я в него тревожно,
Тешу сердце думою одной:

«Ничего. Березнячок, возможно,
Просверкает вновь передо мной».

Так и есть. Окинув дали взглядом,
Вижу в белых струях островок.
И душа опять чему-то рада
И полна неизвестных тревог.

РУССКИЕ ДЕРЕВНИ

I

Сколько их на Руси поставлено,
Деревенек и сел бревенчатых,
Подпоясанных палисадами
И рябинами увенчанных!
То речушки со щучьими плесами,
То леса их к себе привадили...
Широко по земле разбросаны,
Словно дети одной матери.
И в озерах ржаных да клеверных
Чередуются, будто пристани,
Еле слышные — ближе к северу,
Ближе к югу — голосистые.
Среди них одинокими вехами
Есть такие, что глаз не радуют.
Пассажиры давно все уехали
И не взяли билеты обратные.
Где они и в какой же гавани,
У каких маяков прописаны?
Смотрят вдаль, за леса, не мигая,
Позабытые эти пристани.

Между ними, будя минувшее,
Там и тут церквушки на склонах
Кораблями лежат затонувшими
И белеют на дне зеленом.

II

Кто жил в селе, тот знает,
Легко понять без слов
Характеры хозяев
По облику домов.
Гляди — на бабку древнюю
Похожа та изба,
Плынут цветы по дереву,
Старинная резьба.
А вот за палисадом,
От краски полосатом,
Иного склада дом:
С простецким мезонином,
С распахнутым крыльцом,
Стоит и взглядом синим
Он смотрит на друзей,
Как парень в картузе.
... Я с малых лет к деревне
Любовь свою несу
За мудрое терпенье,
За строгую красу.
И за ржаные реки,
За клеверный уют,

За то, что век от века
Здесь мастера живут.
Петряево, Налимья,
Житково, Бор Петров...
То прозвище, то имя
Не тех ли мастеров?
Никто о них не знает,
Они легенд древней
И живы лишь в названьях
Российских деревень.

СУДЬБА

(Поэма)

...И вот решилась. В ту минуту,
Когда сказала: «Ну, пойдем»,
Рябины дрогнули как будто
И зашатались под окном.
Сказала: «Ну, пойдем» и села.
И не поверила себе.
И показалось, что осела
Со скрипом матица в избе...
Да, верно — матери всё могут.
И, если нужно сыновьям,
В любую пустятся дорогу,
Чтоб соль и хлеб — все пополам.

...Уже соседки хлопотали —
Дорога все же далека —
Что взять с собой, а что в подвале
Оставить временно пока.
И говорили с добрым чувством,
Но сыновья, им вопреки,
И нерешительно, и грустно
Смотрели в эти сундуки.
Что в них хранилось аккуратно?
Холстинка, тканная давно,
Половики в цветастых пятнах,
В заплатках старое сукно.
И стираные рубашонки,
Их рубашонки — вот те на!
Носили их они, мальчишки,
Когда большая шла война.
Они растерянно стояли,
Не зная, брать или не брать.
Как будто в стареньком подвале
Стояли мальчики опять...
В дорогу мало что собирали:
Зачем же вдаль тащить кули?
В один заход все из подвала
На сохраненье отнесли
К соседке-тетке.

...А корову,
Веревку кинув на рога,
Вели по снегу. И огромно
Качались бурые бока.

Она, беспомощно немая,
Стараясь что-нибудь понять,
На мать смотрела не мигая —
И отворачивалась мать.
Как будто бы обман таили
Снега и люди. Каждый шаг
Она ступала боязливо
И задыхалась, вся дыша.
Но тут же окрик раздавался,
Как вица, нависал с боков.
И снег под выменем плескался,
Как пролитое молоко...
Все разнесли и раздарили.
Лишь дом остался. Старый дом.
Стоит еще в могутной силе,
Ему еще не страшен гром.
В какой-то сумрачной заботе,
С рябинами наедине,
Как будто говорит: «Придете,
Еще придете вы ко мне.
Куда б ни ехали, повсюду
Средь городских домов-громад
Я в ваши сны являться буду
И буду звать к себе, назад.
Я буду пахнуть сенокосом
И вениками в ваших снах,
И петухом звонкоголосым
Пробьюсь в фабричных голосах.
Со мной разделаться не просто.

Хоть низкоросл и темноват,
Я буду виден вам за версты
Из городских домов-громад.
Ведь я — не просто дом, а память,
А ваша жизнь — года, года...
Я знаю: вас еще потянет,
Еще приедете сюда!»
Стоит, как дед стоял когда-то:
Рябина — словно батожок.
И на плече сутуловатом
Не снег, а будто бы мешок.
И это сходство с дедом старым
Впервые поразило мать.
Она сказала: «Нет, не станем,
Ребята, окна забивать.
Грешно, пожалуй. Пусть сверкают.
И веселей соседям так.
А если уж беда какая,
То стекла, право же, пустяк».
И тихо-тихо, незаметно
В поля окрестные ушла.
Там всеохватно и всесветно
Лежит земля, белым-белая...
Земля! Любовью самой первой
Была для матери она,
И за восторженную верность
Дарила, щедрости полна.
И выносила, чтоб глядели
Весною только на нее,

Свое цветное рукоделье,
Свое зеленое шитье.
А только осень — чуть хмельная,
Дары грузила на возы
И вся, застенчиво сияя,
Как будто пела: на, возьми!
Она умела обещанья
Свои держать, и неспроста
Лишь равнодушья не прощала
И не терпела хвастовства.
Ей, как и матери, несладко,
Нехорошо жилось порой:
Она в войну была солдаткой,
Потом она была вдовой.
Земля не чья-нибудь, не божья —
Во все концы, во все края
Она до самой дальней пойдти
Лежит немыслимо своя.
Близка она, как день вчерашний,
Как день грядущий, дорога...
Молчат заснеженные пашни,
Молчат холодные луга.
Как будто ждут, что в оправданье
Сегодня может им сказать
Перед своей дорогой дальней
Всю жизнь работавшая мать.
Она медлительно, как будто
Что потеряла, к ним идет.

Пушисто вьется первопуток,
И чуть позванивает лед.
И что же на сердце творится,
Когда она с землей вдвоем?
Снежинки тают на ресницах
И в сердце падают дождем.
Одним-единственным упреком
Сейчас и можно тронуть мать,
Что постарела раньше срока
И не умела отдыхать.
Не стало силы — смену надо.
У матери тяжелый вид.
И этим видом, этим взглядом
Она как будто говорит:
«Простите вы, родные пашни,
Моя отрада и судьба —
Выходит, что в просторах ваших
Я скжала все свои хлеба.
Они ко мне из лета в лето
Катили жаркую волну,
И век не думала, что это
Я золотые годы жну...
Простите вы, луга речные,
Уж покосила я травы
И косу звонкую сточила
До ободка, до синевы...
Прости и ты, березник милый,
Куда любила забрести,

И по грибы, и по малину;
И ты, дороженька, прости...
Прости, земля, меня-крестьянку,
Я даже в трудные года
Не выходила к полустанку,
Не ожидала поезда.
Твои пласты, земля, пластала,
Надежды сеяла свои.
И вот — гляди — теперь устала,
Уж не могу — как ни зови...»
...Снежинки гаснут, словно искры,
И вновь летят наискосок,
И падают на материнский
Уже поношенный платок.
И в белом шорохе, чуть слышном,
Душой улавливает мать —
Земля свежо и снежно дышит:
Мол, как тебя не понимать.
Мол, нет к тебе упреков вовсе,
И там, где проходила ты,
Я вскину тяжкие колосья,
Как знак ответной доброты.
И, мол, тебя, хозяйка, долго
Мне в этом крае не забыть.
Мол, об одном тревожусь только:
А как же дальше жить и быть?
Я не глухая, не слепая,
Люблю работу — не возню.

Я доброту не забываю
И горечь в памяти храню.
А в памяти моей — послушай! —
Слоями от времен иных
Лежат подзолы равнодушья
И туподумья валуны.
Ко мне с добром идти — не с речью
На том стою, тому верна.
И потому я славлю вечно
Союз ладони и зерна!
А снег все ниже, ветер тише
Летит, былинки шевеля.
И мать душою чутко слышит,
Как с ней беседует земля.
...Машина трогается. Иней
По стеклам каплями течет.
Припав скорей к стеклу в кабине,
Мать смотрит, смотрит за плечо.
Бегут цепочкой полосатой
И остаются там, вдали,
Дома, сараи, палисады,
Колодезные журавли
И черточки прощальных взглядов,
Теплом черкнувших о стекло,
И взмах руки, плеснувший рядом,
И крик, который отнесло.
Мать повлажневшими глазами
В тумане ищет старый дом.
Вон где уже! Далеко сзади.

Рябины — ниточки кругом.
И с каждым мигом еле-еле
Дом различается во мгле,
Как будто он врастает в землю,
Устав держаться на земле.
Мать смотрит пристально и немо.
А позади — уже лесок.
И небо в тучах. Только небо
Плынет над головой. И все!..
Под сердцем оборвалось что-то.
Она откинулась назад,
Как будто газик с ходу-с лету
Вдруг наскочил на тормоза.
И защемило. Только вида
Мать сыновьям не подала.
Качались щетки деловито
По глади потного стекла.
Боль утихала понемногу
От разговора сыновей.
Она, как здешняя дорога,
Была: чем дальше — тем ровней.
Сыны, ученые ребята,
Сумев по-своему взглянуть,
В связи с отъездом очень сжато
Задели и марксизма суть.
И толковали, что хозяйство,
Пускай и личное, оно
В деревне все ж вредит отчасти,
И от него в душе темно.

Оно лишь временно. Покуда
В деревне трудности. И впрямь,
Оно потом не нужно будет
Ни сыновьям, ни матерям.
Мол, жизнь идет к такому ладу:
И радость на таком пути,
Когда любой поймет, что надо
Все отдавать, чтоб все найти.
Она кивала в знак согласья
И, речь поскольку шла о ней,
Умом понять старалась ясно
Прямую правду сыновей.
Она их слушала немало
И в бытность прежнюю, но там
Все по-другому понимала,
Не очень верила словам.
И все отмахивалась: «Хватит,
Ну, завели свое опять,
Поймите же меня, ребята,
Вам жить, а мне уж доживать».
Да и теперь слова сыновни
Пока по верху сердца шли.
Такое чувство было внове:
Она — свободна от земли,
Она — свободна от хозяйства,
От ведер, сена, чугунков,
От той, теперь уж сладкой власти,
Но до которой далеко.
Дыши, казалось бы, и бодрствуй.

Чего же боле? Но она
Сидела грустно, без притворства
В саму себя погружена.
Уже и странно, и нелепо
Казалось ей с вершины лет
От своего крутого хлеба
Искать другой какой-то хлеб.
...Но вот уже оставлен газик.
Асфальт перронный под ногой.
И к ним подкатывает сразу
Пути транзитного вагон.
И все тревоги расставанья
Как будто бы перейдены.
И в сердце знобко нарастает
Лишь ожиданье новизны.
Мать смотрит, потеплей устроясь,
Как хлынул ельник от окна.
Спешит, постукивает поезд,
И, скоростью заведена,
Земля медлительно, подробно,
Как будто набирая взлет,
Плынет у самого надбровья,
У сердца самого плывет.
Врачая прежние утраты
И утвердительно суля
Взамен другую радость завтра,
Плынет навстречу ей земля.
Однако, что ж опять такое,
Как наважденье? Мать глядит —

Ах, это взгляд, прямой, знакомый,
Всплывает снова позади.
Кричит, как будто что-то просит,
Меж рельс качаясь далеко,
И плещут снежные полоски,
Как пролитое молоко.
Мать вздрагивает от дремоты —
Окно. Вагон. И сыновья.
И перстук, веселый, дробный,
И в солнце новые края.
Глядит, смятенная. И верно —
Простор какой! И в сердце ей
Опять попутным дует ветром
С окружных утренних полей.
И отлетает наважденье.
Поля бескрайно потекли,
Они — как будто продолженье
Тех, что оставила вдали.
И все знакомо, все похоже,
Хоть здесь ни разу не была.
И сёла — продолженье тоже
Того, родимого села.
Впервые так пришлось встречаться.
Они, мелькнув, плывут назад.
Но мать и к ним уже причастна,
И светом полнятся глаза.
Бегут, торопятся с пригорков
Деревни, провожая мать,
Чтоб мирным дымом ей вдогонку,

Как полушалками, махать.
Поля размашисто, громоздко
Спешат к летящему окну,
Чтоб поклониться ей березкой
Иль хвойной веткою махнуть.
Мать смотрит солнечно и нежно —
Все всколыхнулось в ней сейчас.
И достает платок, и держит
У непослушных, влажных глаз.
Земля, обручена с которой,
Во все концы, во все края
Лежит от моря и до моря
Навек немыслимо своя!
Над ней державные зарницы,
Размах неслыханных работ.
И многим надо сторониться:
Полсвета вслед за ней идет!
Она в пути высоком, дальнем
Неудержима и светла
Со стройками и городами,
И с деревнями без числа.
Близка она — как день вчерашний,
Как день грядущий — дорога.
Ждут молодую силу пашни,
Ждут силу новую луга.
Судьба идущих поколений
В тревогах и заботах дней
Не повторенье — обновленье
Судьбы и жизни матерей!

СОДЕРЖАНИЕ

Гармонь	3
Тревога	7
С Ярославского вокзала	12
Товарищ, туда бы махнуть с утра	15
Ель	18
Судьба не сладкая — вдовья	19
Божатка	20
Когда он сказал: «А ну, потесней!»	22
Молоко	25
Дом отдыха	28
Приятели	30
Напеки мне, мама, рогулек	32
Девчонки	34
Ах, свадьбы шумные! Едва ли	37
Знаки	39
Еня	42
Сидит старик на мельнице	44
Предание	46
Дионисий	49

У матери старой три сына	52
Да, он вскипал	54
Тревожно, и сладко, и грустно	55
Черемушка	57
Дождь	58
Лето	60
Беру себе в попутчики	63
На солнечной ветке лета	65
Картошку девушка копает	66
Проплывала паутинка	68
Ничто не минуло бесследно	70
Мамонты	71
Зимнее утро	73
Уж тридцать лет	75
Разлука — что зима у нас на севере	76
Очень мало ты отдыхаешь	77
«Все вынесу, — давно твердишь ты	79
Как мало все-таки ценим	80
Лишь память затронешь	83
Солдат	84
Секретарь райкома	85
Имена становятся отчеством	87
Бродить всегда немного грустно	88
Я только грустно усмехнусь	89
Бывает, ельниками еду	90

Тихо, как в давние годы	92
Под осень в просеках седых	94
Сердцу милое навек	96
Мы — как дерево ныне	97
Бабки	98
Из народных мотивов	100
Проселок	101
Трава белоус, как проволока	103
До праздника задолго	104
Да, в этом есть значительное что-то . .	105
Дни непрожитые	108
Русские деревни	110
Судьба (поэма)	113

Стихи Романова появляются в областных, а затем и в центральных газетах и журналах. В 1962 году он оканчивает Высшие литературные курсы в Москве.

Сейчас Александр Романов возглавляет Вологодское отделение Союза писателей. Он—автор пяти поэтических сборников.

Новый, шестой по счету сборник стихов «Красное застолье» Александр Романов также посвящает родному северному краю, землякам-северянам, людям с нелегкой, но мужественной судьбой. По своему складу Александр Романов — поэт лирический. У него много стихов-раздумий о своем поколении, о дружбе и любви. Стихи его разнообразны по ритмическому строю, в них много от народного творчества.